

ПРОБЛЕМА СМЕРТНОСТИ:
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ РАКУРС
MORTALITY PROBLEM:
THE DEMOGRAPHIC ASPECT

DOI 10.15826/izv2.2021.23.4.076
УДК 314.422.3(470.54-25) + 930.253 +
+ 351.755.5 + 271.22

Е. М. Главацкая
Д. С. Бахарев

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Г. Т. Торвальдсен

*Арктический университет Норвегии —
Университет Тромсё*
Тромсё, Норвегия

**СМЕРТНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЕКАТЕРИНБУРГА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.**

Традиционно исследования исторической смертности фокусировались на изучении национальной, региональной либо локальной специфики. Создание баз индивидуальных данных позволило изучать смертность на уровне индивидов, отдельных семей и поколений. При этом роль ближайшего окружения, не состоявшего в кровном родстве, учитывалась редко. Между тем, стремительная урбанизация разрушила семейные связи и каналы трансляции традиционных моделей демографического поведения. Одновременно возрастала роль внесемейных факторов, главным из которых был церковный приход, с конца XIX в. постепенно трансформировавшийся в соседское сообщество — прообраз городского микрорайона. Предлагаемая работа нацелена на исследование смертности взрослого населения Екатеринбурга конца XIX — начала XX в. и ее дифференциации между приходами Русской православной церкви. Источниковую базу составили официальная статистика и база данных «Регистр населения Урала», созданная на основе метрических книг за 1880–1919 гг. пяти православных приходов Екатеринбурга.

В ходе исследования была выполнена реконструкция динамики смертности по каждому приходу и городу в целом; восстановлена структура смертности; вычислен средний возраст смертности; проведен анализ причин, ее вызвавших; проанализирована сезонность. В итоге можно заключить, что каждый из пяти православных приходов имел определенную демографическую специфику.

На смертность влиял экономический профиль района и направление городской застройки, большое значение имело расположение крупных социальных объектов на территории прихода. Проведенное исследование позволило выявить определенную стабильность и респектабельность Богоявленского и отчасти Вознесенского прихода; «мигрантскую» специфику Александро-Невского и Свято-Духовского; и некий средний, близкий общегородскому, характер района, соответствовавшего приходу Екатеринбургского собора.

К л ю ч е в ы е с л о в а: городская смертность; смертность взрослого населения; имперская Россия; Екатеринбург; метрические книги; демографические базы данных; православные приходы; городские микрорайоны

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Свердловской области, грант № 20-49-660013 «Городские элиты Екатеринбурга конца XVIII – начала XX века: 250 лет социальной и демографической эволюции».

Ц и т и р о в а н и е: *Главацкая Е. М., Бахарев Д. С., Торвальдсен Г. Т.* Смертность православного взрослого населения Екатеринбурга в конце XIX – начале XX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 4. С. 224–245. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.4.076>

Поступила в редакцию: 15.08.2021

Принята к печати: 29.10.2021

Elena M. Glavatskaya

Dmitry S. Bakharev

*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

Gunnar Thorvaldsen

*University of Tromsø
Tromsø, Norway*

MORTALITY OF THE ORTHODOX ADULT POPULATION IN EKATERINBURG DURING THE LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES

Traditionally, studies of historical mortality have focused on the national, regional, or local levels. Currently, the creation of individual level databases has made it possible to study mortality at the individual and family levels, also following people over generations. However, this research rarely considered non-family relations; at the same time, rapid urbanisation during the late nineteenth century severed many family ties and hindered the transmission of traditional models for demographic behaviour. Thus, the role of non-family factors increased, the main of which was the church parish, which since the end of the nineteenth century gradually transformed into a neighborhood community – the prototype of the urban

microdistrict. This research aims to study the mortality of the adult population of Ekaterinburg during the decades around 1900, differentiating between the parishes of the Russian Orthodox Church. The sources consist of official statistics and the Ural Population Project database, which was created based on the metric (church) books. The authors reconstruct the full development of mortality for each parish and for Ekaterinburg as a whole; map the structure of mortality, calculate the average age at death, as well as analyse the causes of death and its seasonality. As a result, it may be concluded that each of the five Orthodox parishes indeed had a certain demographic specificity. Mortality was influenced by the economic profile of the area and the trend of urban development, where the location of social facilities on the territory of each parish was of great importance.

К e y w o r d s: urban mortality; adult mortality; imperial Russia; Ekaterinburg; church books; demographic databases; Orthodox parishes; urban neighbourhoods

Acknowledgements

The research is sponsored by the *Russian Foundation for Basic Research* and Government of Sverdlovsk Region, project 20-49-660013 “Urban Elites of Ekaterinburg at the End of the 18th – Beginning of the 20th Centuries: 250 Years of Social and Demographic Evolution”.

For citation: Glavatskaya, E. M., Bakharev, D. S., & Thorvaldsen, G. (2021). Smertnost' pravoslavnogo vzroslogo naseleniia Ekaterinburga v kontse XIX – nachale XX v. [Mortality of the Orthodox Adult Population in Ekaterinburg during the Late 19th and Early 20th Centuries]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(4), 224–245. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.4.076>

Submitted: 15.08.2021

Accepted: 29.10.2021

Конец XIX в. ознаменовался фундаментальными изменениями демографического порядка в ряде стран Европы за счет снижения смертности и рождаемости с одновременным увеличением продолжительности жизни. Этот процесс задел и Россию: первые признаки снижения смертности в стране были отмечены исследователями уже в начале XX в. [Новосельский, с. 180–182]; современные демографы интерпретируют это как начало эпидемиологического перехода [Исупов, с. 83–84]. Однако, в целом демографический порядок страны по большей части соответствовал глубоко традиционному обществу с тотальной брачностью и высокими рождаемостью и смертностью. По уровню последней Россия печально лидировала среди европейских стран (см. табл. 1).

Высокой была не только младенческая и детская смертность, но и смертность в старших возрастных группах. По интенсивности вымирания трудоспособных взрослых Российская империя была одной из самых депрессивных стран: например, из 100 тысяч 30-летних мужчин до 40 лет доживали лишь 91 222 человека, а из 100 тысяч 50-летних женщин до 60 лет доживали 78 987 — худшие показатели в Европе (см. табл. 2).

Таблица 1

Смертность в России и странах Европы в 1900 г.*

Страна	Общий коэффициент смертности, ‰
Европейская Россия	31,1
Венгрия	26,9
Италия	23,8
Германия	22,1
Норвегия	15,8

*Источник: [Куркин, с. 32, 84].

Таблица 2

**Интенсивность вымирания взрослого населения*
в России и европейских странах на рубеже XIX–XX вв.****

Страна	Мужчины				Женщины			
	20–30	30–40	40–50	50–60	20–30	30–40	40–50	50–60
Европейская Россия	92 915	91 222	86 487	77 909	92 561	90 673	87 555	78 987
Венгрия	92 315	91 804	87 445	78 897	90 845	90 049	88 387	79 995
Италия	93 482	93 063	90 065	83 278	92 994	92 058	90 910	85 718
Германия	94 197	92 049	86 880	78 176	94 405	92 361	90 416	83 347
Норвегия	90 431	91 802	90 328	85 550	93 465	92 286	91 481	88 254

* Выжившие из 100 тыс. предыдущего возраста.

** Источник: [Новосельский, с. 152–153].

При этом для такого межстранового сравнения демографы традиционно использовали показатели европейской части России, но и в ней имелись регионы с еще более архаичным демографическим порядком, чем в среднем по империи. Одним из таких был Средний Урал — территория Пермской губернии: если в 1911–1913 гг. коэффициент смертности в европейской части России составлял 271 ‰, то в Пермской губернии он достигал 422 ‰ [Рашин, с. 189–191]. Старый горнозаводской край, чья экономика после Великих реформ пыталась судорожно перестроиться под требования рынка, отличался от остальной страны в первую очередь повышенной смертностью младенцев и мужчин трудоспособного возраста. Причины первого явления были, вероятно, связаны с тяжелыми климатическими условиями, нерациональными бытовыми практиками ухода за детьми и архаичной сельскохозяйственной культурой. Мужская сверхсмертность была следствием трудной и опасной заводской работы [Голикова]. Высокая по сравнению с другими регионами смертность на Урале продолжала сохраняться и позднее, особенно в городах в среде мужского населения [Смертность...], что делает изучение смертности взрослого населения особенно актуальным.

Данное исследование призвано впервые проанализировать смертность православных горожан Екатеринбурга — одного из важнейших полисов провинциальной России конца XIX — начала XX в. Численность жителей Екатеринбурга по данным Всероссийской переписи 1897 г. составила более 43 тыс. чел., а к началу Первой мировой войны, вероятно, достигла 100 тыс. [Бахарев, Заболотных], что позволяет отнести Екатеринбург к категории крупнейших городов Российской империи. Специалисты неоднократно обращались к изучению структуры населения уральской столицы позднеимперского периода [Кузьмин, Оруджиева, с. 96–97; Сафронов; Чащин]. Однако почти вся историография, как антропологически, так и демографически ориентированная, опиралась преимущественно на качественные и агрегированные количественные источники, которые не могут в полной мере факторно характеризовать поведение индивида. Между тем, даже единичные исследования в этом направлении, базировавшиеся на индивидуальных массовых источниках, позволили, например, подтвердить гипотезу о том, что в числе прочих в авангарде демографической модернизации позднеимперского Екатеринбурга шли представители западного христианства и иудеи, по крайней мере в отношении младенческой смертности [Glavatskaya, Borovik, Thorvaldsen] и возраста вступления в брак [Главацкая и др.]. В настоящее время в России активно развивается целое субдисциплинарное поле — новая историческая демография, в рамках которого исследователи работают в похожем методическом ключе [см., например: Троицкая, Авдеев; Маркова; Кискидосова; Слепцов, Слепцова, Алексеева; и др.].

Предлагаемая работа нацелена на исследование смертности взрослого населения Екатеринбурга конца XIX — начала XX в. и ее дифференциации между приходами Русской православной церкви. Ориентация на взрослых связана с исключительным размером и значением детской смертности как отдельного демографического и культурного явления: ее доля почти никогда не падала ниже 50 %, а причины и традиция их регистрации, как правило, имели специфический характер [подробнее см.: Бахарев, Главацкая]. Впервые подобный проект сосредоточен на самом репрезентативном сообществе города — православных. Источником выступил электронный ресурс «Регистр населения Урала» [Регистр населения Урала], созданный на основе сведений екатеринбургских метрических книг.

Традиционно исследования смертности фокусировались на изучении национальной или региональной специфики, а также посвящались смертности в отдельных городах и поселениях. Создание историко-демографических баз индивидуальных данных позволило изучать смертность на уровне индивидов, отдельных семей и поколений [Janssens]. При этом редко учитывалась роль ближайшего окружения, не состоявшего в кровном родстве. Между тем, стремительная урбанизация приводила к разрушению традиционных семейных связей, разрывая поколения и целые семьи, лишая возможности в полной мере воспроизводить и транслировать традиционные модели демографического поведения. Одновременно возрастала роль внесемейных факторов, среди которых следует отметить, во-первых, церковный приход — сообщество, принадлежность

к которому не столь жестко была обусловлена фактом рождения, как в сельской местности, а акценты внецерковной деятельности определялись активом; а во-вторых, большое значение имели формирующиеся в это время городские микрорайоны со своей социально-экономической спецификой, которые для Екатеринбургa практически точно соответствовали границам православных приходов. Таким образом, одной из главных задач данного исследования является проверка гипотезы о том, что каждый церковный приход / микрорайон позднеимперского Екатеринбургa обладал собственной демографической спецификой, в том числе отражавшейся в показателях смертности. Принцип создания «Регистра населения Урала» — по отдельным приходам — позволил провести исследования смертности в Екатеринбургe с учетом этого фактора. Исследование включало следующие задачи: реконструировать динамику смертности в абсолютном исчислении по отдельным приходам; восстановить половозрастную структуру смертности; вычислить средний возраст смерти; изучить причинность смертности; проанализировать сезонность смертности.

Источник и методы

Источником для проведения исследования послужили записи регистрации смертей из метрических книг пяти православных приходов Екатеринбургa с 1880 по 1919 г. Эти массовые номинативные документы содержат информацию как о демографическом движении конфессионального большинства Екатеринбургa, так и о ряде социальных модернизационных процессов. Часть метрик еще не отсканированы, часть не удалось ввести в оборот из-за их утраты в архиве или повреждения. Транскрибированные сведения составили базу данных «Регистр населения Урала», включившую 27 936 записей о смертях православных екатеринбуржцев, из которых 12 237 записей принадлежит взрослым — тем, чей возраст на момент смерти составлял 15 лет и более (см. табл. 3). Помимо этого, была привлечена имперская и церковная статистика.

Для классификации причин смерти использовался весь пул метрик, а для годового анализа динамики — только записи за 1880–1917 гг. При реконструкции динамики по Екатеринбургинскому приходу за 1887, 1889, 1891–1899 гг., не включенные пока в БД, были взяты сведения из итоговых ведомостей метрических книг. Записи по всем приходам, сделанные после 1917 г., не были включены в выборку, так как из-за революционных событий практика регистрации смертей была нарушена и содержащиеся в метриках этого периода сведения фрагментарны и недостаточно достоверны. Вошедший в финальную БД пул сведений был проверен с помощью индекса Уиппла¹ для лиц старше 15 лет и был признан достоверным относительно указанных возрастов (см. табл. 4).

¹ Индекс Уиппла — индикатор возрастной аккумуляции, измеряющий склонность людей округлять свой возраст до чисел, оканчивающихся на 0 и 5; при значении 100 возрастная аккумуляция отсутствует. Индекс считается косвенным показателем уровня грамотности населения и качества работы регистрационных органов.

Таблица 3

**Транскрибированные записи из метрических книг Екатеринбурга
за 1880–1919 гг.***

Приходы	Годы	Число записей о смерти	Число и % записей о смерти взрослых	
Богоявленский	1880–1919	4 283	2 028	47,4
Екатерининский	1880–1881, 1883, 1885–1886, 1900–1919	5 544	2 288	41,3
Вознесенский	1881–1884, 1889–1903, 1905–1919	8 266	3 286	39,8
Свято- Духовский	1880–1898, 1900–1903, 1905–1912	6 347	3 349	52,8
Александро- Невский	1898–1912	3 496	1 289	36,9
Всего		27 936	12 237	43,8

* Источник: [Регистр населения Урала].

Таблица 4

**Индекс Уиппла для умерших православных взрослых
Екатеринбурга, 1880–1919 гг.***

Приход	мужчины	женщины
Александро-Невский	103 %	110 %
Вознесенский	127 %	133 %
Богоявленский	125 %	130 %
Екатерининский	130 %	134 %
Свято-Духовский	130 %	151 %

* Источник: [Регистр населения Урала].

Методический комплекс исследования составили методы исторической демографии, социальной истории, технологии баз данных и электронного картографирования.

Исторический контекст: город и его приходы

Екатеринбург рубежа XIX–XX вв. — бывшая горнозаводская столица империи, стремительно перестраивающаяся в полифункциональную экономическую столицу региона. Население города, отличавшееся социальным и культурным многообразием, стремительно росло за счет мигрантов — как крестьян-отходников, так и респектабельных специалистов, и нуворишей. Быстрый рост, положительно отражаясь на экономике, имел негативные последствия для

санитарно-медицинского состояния города, такие как загрязненность улиц, дефицит питьевой воды, перманентный кризис системы утилизации отходов, недостаток медицинских учреждений и кадров. Тем не менее, смертность в Екатеринбурге была значительно ниже среднего для городов Урала уровня (см. табл. 5); по всей видимости, сказывалось экономическое лидерство города, результатом чего была обширность частной медицинской практики и высокие муниципальные инвестиции в здравоохранение.

Таблица 5

Смертность в городах Пермской губернии в 1897 г.*

Города	Общий коэффициент смертности, ‰
Екатеринбург	33,0
Пермь	55,8
Все города Пермской губернии	42,0
Вся Пермская губерния	40,0

*Составлено по: [Адрес-календарь и памятная книжка..., 1899, отдел III, с. 128–129, 136–137]

При том что город обладал конфессиональным и этническим разнообразием [Главацкая, Бахарев, Бобицкий], 90 % его населения составляли православные, объединенные в пять приходов: Екатерининский, Богоявленский, Вознесенский, Свято-Духовский и Александро-Невский. Последний был выделен из Вознесенского в 1897 г. в связи с ростом числа жителей северного привокзального района города из-за быстро развивавшегося железнодорожного сообщения (см. рис. 1).

Каждый городской район, закрепленный за приходской церковью, имел собственные уникальные характеристики — уровень религиозности, экономический профиль, готовность принять мигрантов и т. д. Так, главными точками демографического роста были север и юг, Александро-Невский и Свято-Духовский приходы, чрезвычайно насыщенные мигрантами и более секулярные в сравнении с другими. Екатерининский и Вознесенский приходы имели смешанный сельско-городской характер и средний уровень социальных и демографических показателей. Особняком стоял приход Богоявленского кафедрального собора, самый компактный, стабильный и консервативный [подробнее см.: Бахарев; Боровик].

Помимо комплексных социальных количественных характеристик, на наш взгляд, немалое значение могли иметь и более специфические качественные показатели, например, насыщенность района интеллигенцией: так, исследования смертности в Тарту показали, что наличие университета в городе положительно сказывалось на выживаемости населения [Jaadla, p. 49]. В Екатеринбурге не было подобных крупных интеллектуальных центров, но даже физическое проживание

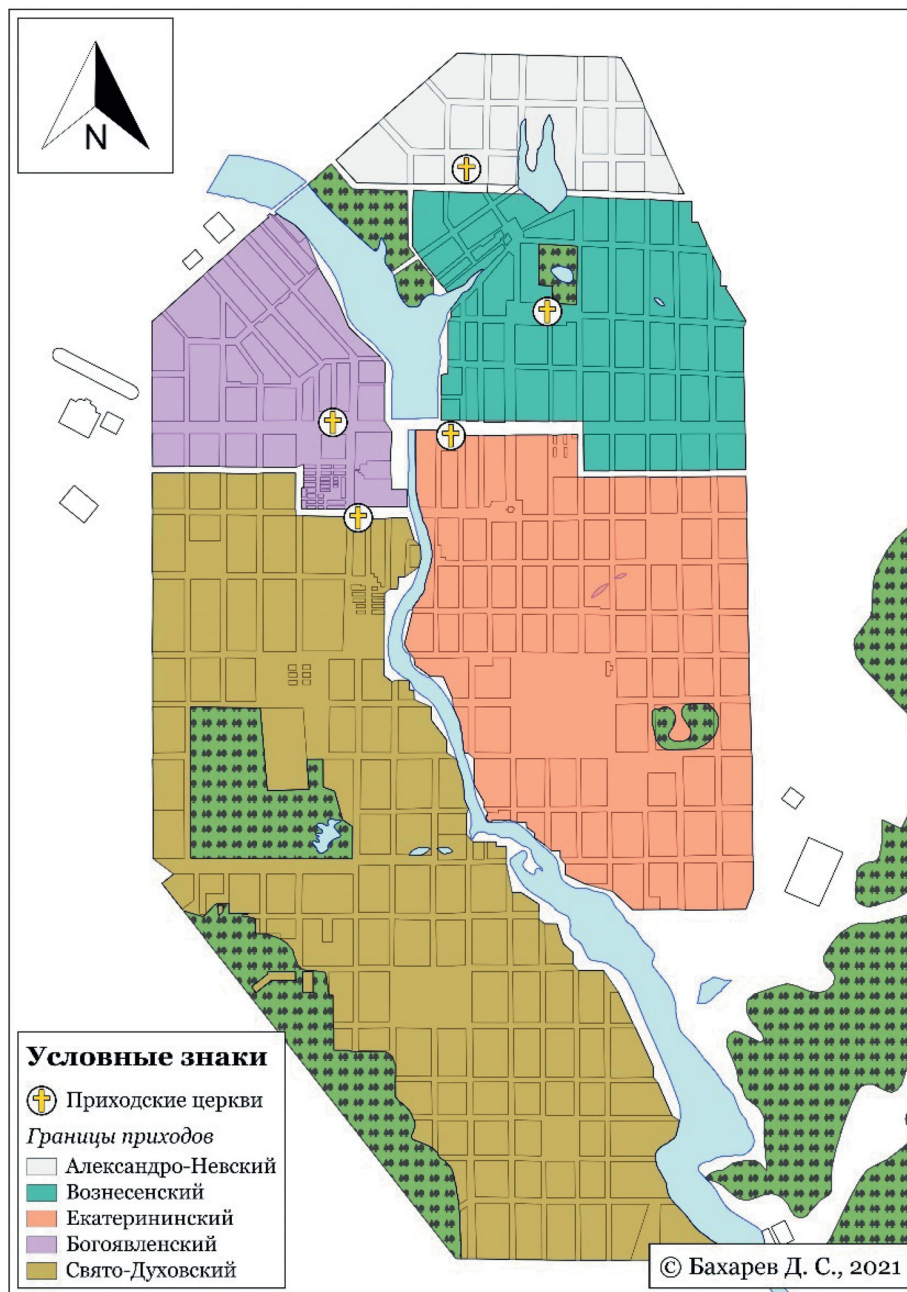

Рис. 1. Православные приходы и медучреждения Екатеринбургa в начале XX в. [План Екатеринбургa 1910 г.]

Fig. 1. Orthodox parishes and medical institutions in early 20th century Ekaterinburg [Ekaterinburg City Plan 1910]

врачей и их семей на территории прихода могло иметь значение, увеличивая шансы прихожан на выживание и способствуя распространению медицинских знаний. Анализ сведений метрических книг о смерти показал, что по числу записей, касающихся медработников и членов их семей, Богоявленский приход явно занимал лидирующее положение (см. табл. 6).

Таблица 6

Записи в метрических книгах Екатеринбургa 1880–1919 гг., касающиеся смертей медработников и членов их семей*

Приход	Медицинский персонал**			Коэффициент записей, касающихся семей медработников***
	Высший	Средний	Всего	
Алекса́ндро-Невский	0	5	5	1,4
Вознесе́нский	2	10	12	1,4
Богоявле́нский	7	4	11	2,6
Екатери́нинский	3	5	8	1,4
Свято-Духовский	5	6	11	1,5

* Источник: [Регистр населения Урала].

** Деление произведено на основании современной номенклатуры Минздрава РФ: к высшему персоналу отнесены определения «врач», «доктор»; к среднему — «фельдшер», «военный фельдшер», «акушерка», «ученик лекаря».

*** Рассчитан следующим образом:
$$\frac{\text{Число записей, касающихся семей медработников}}{\text{Общее число записей}} \times 1000.$$

Демографический порядок

К сожалению, из-за фрагментарности многих сохранившихся метрических книг и неполноты БД динамику смертности по большинству приходов трудно назвать полной. Более того, даже для максимально полно отраженных в «Регистре» лет, когда нами транскрибированы все метрики православных приходских церквей Екатеринбургa, нельзя говорить об охвате всей совокупности смертей в городе, а лишь о широкой репрезентативной выборке — от более чем половины до трети от всей взрослой смертности (см. табл. 7).

Объяснение «недостающих» смертей связано с иными местами ее регистрации: неправославные общины (старообрядцы и единоверцы, мусульмане, иудеи, католики, лютеране); бесприходные православные церкви (кладбищенская, тюремная, полковая и пр.); полицейская метрификация представителей неофициальных вероисповеданий либо не принадлежащих ни к одному, а также смерти маргиналов и неизвестных.

Но даже при этом реконструкция абсолютной динамики смертности по православным приходам дала любопытные результаты. Буквально каждый приход имел уникальный демографический портрет, отличный от других общин.

Главным образом очевидна разная степень «открытости» приходов: если динамика смертности, регистрируемой в большинстве православных церквей, имеет бурный и нестабильный характер, свидетельствующий о сложной демографической жизни города, то Богоявленский и частично Александро-Невский приходы производят впечатление специфических, живущих собственной жизнью сообществ (см. рис. 2).

Таблица 7

Количество смертей екатеринбуржцев старше 15 лет *

Источник	1895	1905	1908	1911	Всего
Регистр населения Урала (православные)	330	452	460	449	1 691
Официальная статистика (все конфессии)	565**	717	1 241	1 203	3 726
Репрезентативность	58,4 %	63 %	37,1 %	37,3 %	45,4 %

* Составлено по: [Регистр населения Урала; Санитарный обзор..., 1896, Ведомость, с. 8; Санитарный обзор..., 1907, с. 33; Санитарный обзор..., 1911, с. 23; Санитарный обзор..., 1915, с. 40].

** С 16 лет.

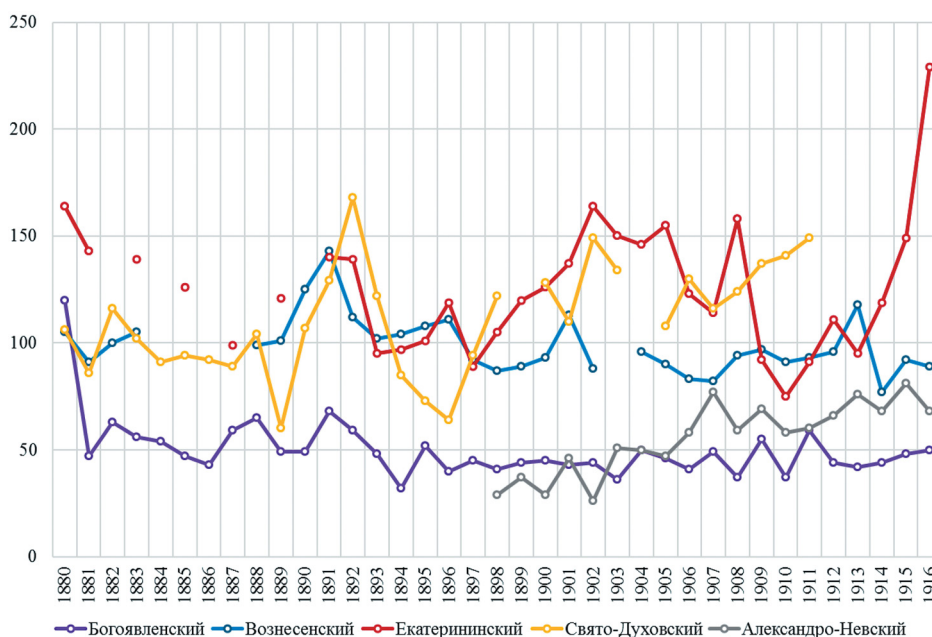

Рис. 2. Динамика смертности взрослого населения в православных приходах Екатеринбурга [Регистр населения Урала]

Fig. 2. Dynamics of adult mortality in the Orthodox parishes of Ekaterinburg [Ural Population Project]

Другой важной демографической категорией является половозрастная структура смертности. Ее реконструкция для пяти православных приходов Екатеринбургa и всего города² также дала интересные результаты. Традиционно демографы используют возрастные пирамиды для графического отображения возрастного и гендерного состава групп населения на основе материалов переписи. Не имея этих сведений, мы использовали данные метрических книг для определения возраста, в котором преимущественно умирали мужчины и женщины, и сравнения структуры смертности по приходам. При этом в целях визуализации гендерных особенностей мы использовали процентное соотношение. Общим для всего города было то, что после относительно безопасных лет подросткового возраста количество смертей увеличивалось, начиная с 20 лет (см. рис. 3, *a*). При этом лишь в промежутке 20–30 лет женская смертность была равна либо иногда превышала мужскую, что, вероятно, было связано с риском смертельных исходов во время родов. Но в дальнейшем смертность взрослых мужчин стабильно и значительно превышала женскую, достигая своего пика на пятом десятке. Это могло быть связано с ослаблением здоровья из-за условий тяжелого труда и/или образом жизни, включавшем плохое (недостаточное или избыточное) питание, злоупотребление алкоголем и табаком. На этом фоне особенно заметно женское долголетие: смертность женщин в Екатеринбурге достигала пика в возрастной группе 75–79 лет, т. е. примерно на 25 лет позднее, чем среди мужчин, а доля горожанок, доживших до своего 80-летия, вдвое больше: 5 % против 2,5 % мужчин.

Нельзя не заметить, что Богоявленский и Вознесенский приходы выглядят более респектабельными, со стабильным сбалансированным населением (см. рис. 3, *b*, *z*). Это можно связать с количеством и дороговизной жилья, обусловленными логичной географической завершенностью этих районов, что ограничивало массовую застройку, в которой нуждались мигранты. Безусловно, имел значение и экономический профиль каждого городского района, соответствовавшего приходу. Можно предположить, что колоссальное преобладание мужской смертности в трудоспособном возрасте в приходе Александро-Невской церкви было связано с тяжелым физическим трудом на производственных и логистических объектах, изобиловавших в привокзальном районе (см. рис. 3, *e*).

Расположение в официальных границах прихода специфических учреждений также имело большое значение. Например, Александровская богадельня, аккумулировавшая огромное число пожилых людей со всего города и окрестностей, являлась, как видно из графика, определяющим фактором для структуры смертности Свято-Духовского прихода (см. рис. 3, *b*). Исходя из визуализации, сходный эффект можно увидеть и в структуре смертности Екатеринбургского прихода, где большие показатели зрелой женской смертности можно связать

---

² Чтобы добиться максимальной реалистичности при реконструкции половозрастной структуры умерших по всему городу, были использованы сведения только за те 20 лет, о которых имеются полные данные по всем пяти православным приходам.

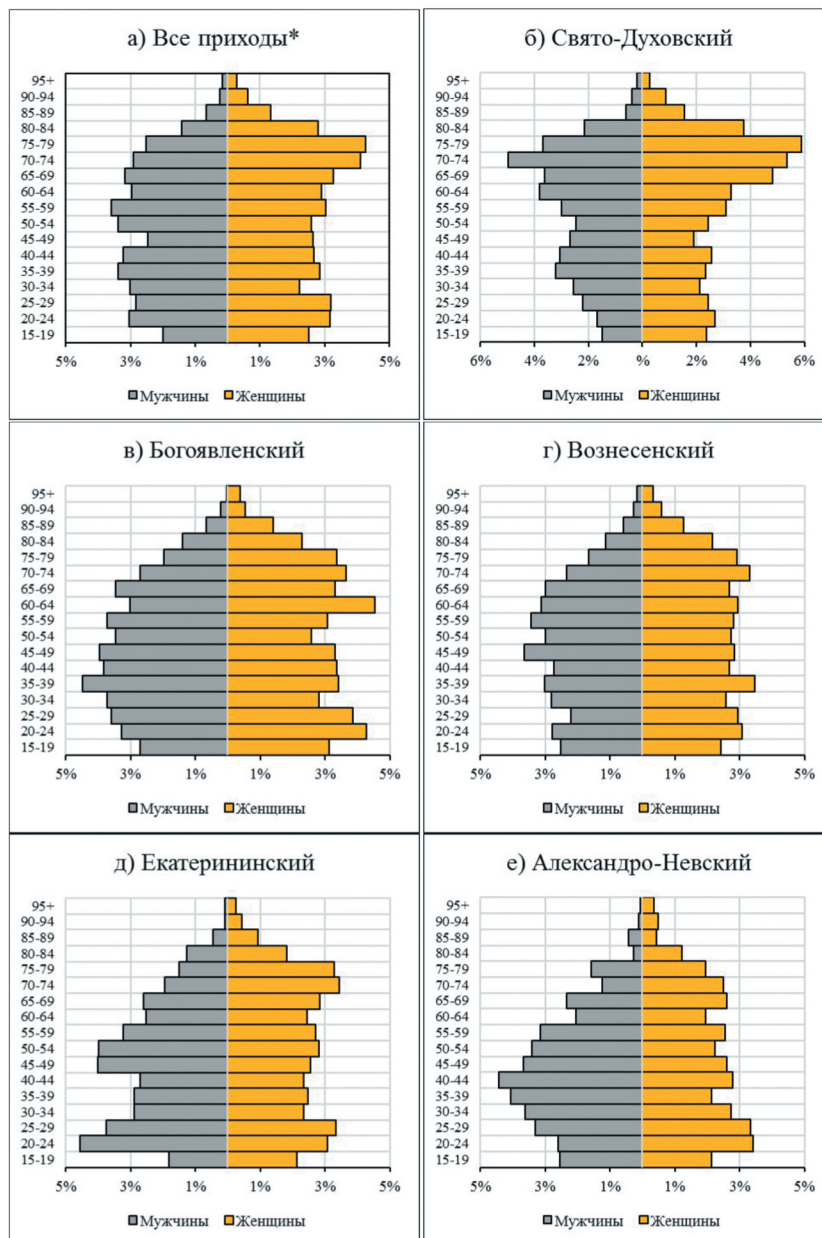

Рис. 3. Половозрастная структура умерших в православных приходах Екатеринбурга, 1880–1919 гг. [Регистр населения Урала]

* Для 1881, 1883, 1889, 1892–1898, 1900–1903 и 1905–1911 гг.

Fig. 3. Age and sex structure of the deceased in the Orthodox parishes of Ekaterinburg, 1880–1919 [Ural Population Project]

* For 1881, 1883, 1889, 1892–1898, 1900–1903 and 1905–1911

с Ночлежным домом на его территории, а ранней и зрелой мужской — с Военным госпиталем и арестантским домом (см. рис. 3, д).

Средний возраст умерших — демографический индикатор, отражающий сочетание уровня смертности с возрастной структурой населения, которую в свою очередь определяли рождаемость и миграции. Предварительный расчет выявил сходные с предыдущими операциями результаты (см. табл. 8).

Таблица 8

**Средний возраст смерти взрослого православного населения
Екатеринбурга, 1880–1919 гг.***

Приход	Средний возраст смерти		
	м	ж	общ
Свято-Духовский**	54,3 (50,1)	57,3 (51,6)	55,9 (50,8)
Вознесенский	48,8	51,3	50
Богоявленский	47,5	50,4	49
Екатерининский	46,3	51,2	48,5
Алекса́ндро-Невский	44,8	48,3	46,3

*Источник: [Регистр населения Урала].

** В скобках приведен показатель без клиентов Александровской богадельни.

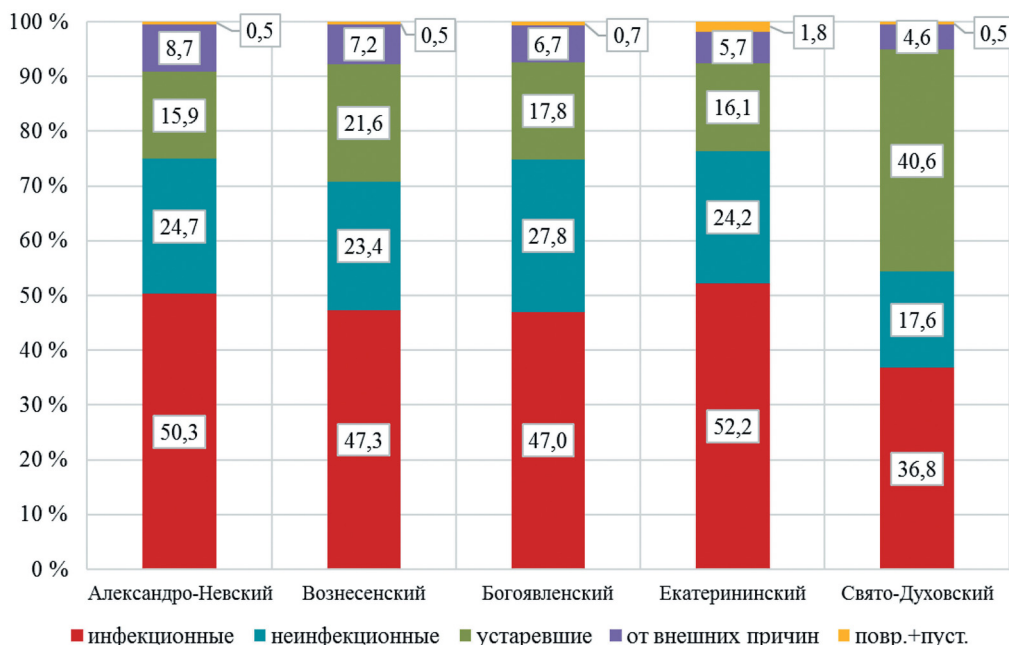
Практически все записи метрических книг Екатеринбургa включали причину смерти, своеобразный аналог диагноза. И если немногочисленные случаи насильственной смерти визировались полицейскими приставами, а небольшой процент смертей, произошедших в больницах, удостоверяли врачи, то подавляющая масса регистрируемых смертей фиксировалась клириками Русской православной церкви. Исходя из контекста источника, можно предположить, что в ряде случаев причина смерти записывалась священником со слов родственников умершего, которые сообщали диагноз, ранее поставленный доктором, т. е. реальное участие профессиональных медработников в диагностике было выше. Однако значительная доля причин смерти, по-видимому, определялась все-таки самими клириками, которые руководствовались базовыми медицинскими знаниями, полученными в семинарии, личным опытом и знанием о здоровье собственных прихожан.

Для классификации причин смертности все записи о смертях на первом этапе были разделены на пять групп: 1) вызванные инфекционными заболеваниями; 2) вызванные неинфекционными болезнями; 3) вызванные внешними причинами; 4) смерти, описанные устаревшими «народными» терминами; 5) поврежденные записи или без указания причины смерти³. Выбор именно

³ Аналогичная классификация была использована при анализе детской смертности в Екатеринбургe, см. более подробное описание методики: [Бахарев, Главацкая].

этой классификации был связан с ее простотой и универсальностью: базовые категории позволяют применить ее к историческому материалу любой страны.

Анализ, основанный на применении первого этапа классификации, показал, что наиболее распространенной причиной смерти взрослых екатеринбуржцев предсказуемо были инфекционные заболевания; второе место занимали причины смерти, описанные устаревшими «народными» терминами; третье — неинфекционные заболевания; четвертое — смерти от внешних причин (см. рис. 4). Лидерами по инфекционным смертям были Александро-Невский и Екатерининский приходы, по неинфекционным — Богоявленский. Высочайшая доля причин смерти, описанных устаревшими терминами (в данном случае «от старости»), в приходе Свято-Духовской церкви связана с нахождением на его территории Александровской богадельни, в которую поступали пожилые люди со всего Екатеринбурга и окрестностей; очевидно, что это внесло серьезные искажения во всю структуру смертности, сделав показатели по остальным категориям мало сопоставимыми с другими приходами. Смерти от внешних причин чаще всего регистрировали в приходе Александро-Невской церкви. Число поврежденных и пустых записей о причинах смерти малозначительно во всех приходах, что говорит о степени ответственности екатеринбургских церковно- и священнослужителей, занимавшихся ведением метрических книг.

Рис. 4. Причины смертности взрослого православного населения Екатеринбурга, 1880–1919 гг. [Регистр населения Урала]

Fig. 4. Causes of death among the adult Orthodox population of Ekaterinburg, 1880–1919 [Ural Population Project]

Далее были избраны пять «контрольных» причин смерти, важных структурно из-за своего удельного веса в общей смертности (туберкулез) или на распространение которых могли влиять рациональные усилия, направленные на выживание при прочих равных условиях (сложные диагнозы заболеваний мозга, требовавшие участия доктора; диагнозы, связанные с неудачными родами; алкоголь). Анализ степени распространения «контрольных» причин смерти показал, что смертность в связи с неудачными родами была ниже в Богоявленском и Екатерининском приходах. Возможно, прихожане имели средства и были готовы получать профессиональную медицинскую помощь, что спасало жизни женщин. «Заболевания мозга» — сложные диагнозы, требующие участия врача, чаще всего встречались в метрических книгах Богоявленского прихода. Смерти, вызванные состоянием алкогольного опьянения, чаще регистрировались в Вознесенском и Свято-Духовском приходах (см. рис. 5).

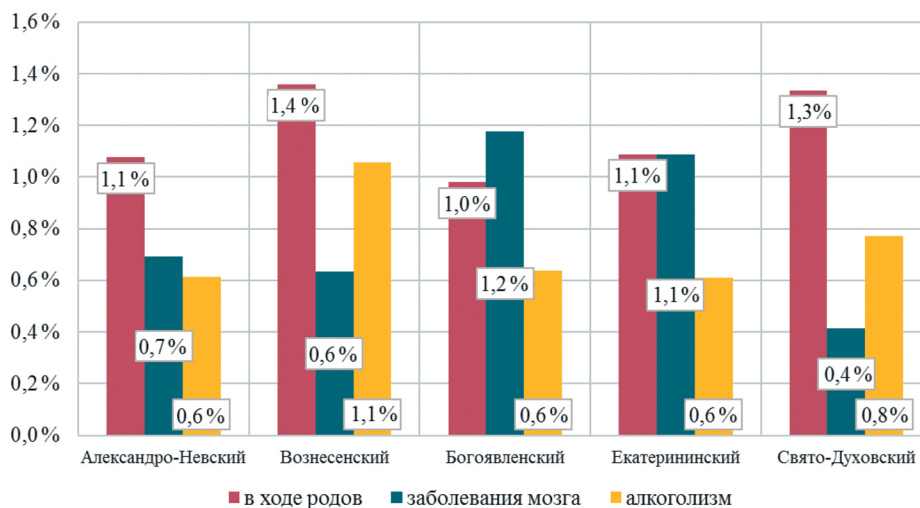

Рис. 5. Контрольные причины смерти православного населения Екатеринбурга, 1880–1919 гг. [Регистр населения Урала]

Fig. 5. Specific causes of death among the Orthodox population of Ekaterinburg, 1880–1919 [Ural Population Project]

Более высокая доля умерших от туберкулеза в приходе Екатерининского храма (см. рис. 6), возможно, была связана с упомянутыми учреждениями на территории прихода, концентрировавшими как женское, так и мужское население. Повсеместное преобладание мужской смертности от туберкулеза, по всей видимости, было обусловлено теми же причинами, что и в наши дни: курение, скученное совместное проживание в рабочих бараках, казармах, тюрьмах, пренебрежение собственным здоровьем.

Наибольшая часть смертей взрослого населения Екатеринбурга приходилась на весну и зиму, меньше на лето и осень. При этом влияние сезона на число

смертей в меньшей степени проявилось в Богоявленском приходе: только в нем процент сезонной смертности не упал ниже 20 % и не превысил 30 %, а общая амплитуда между самым летальным и самым безопасным сезоном была значительно ниже остальных приходов (см. рис. 7).

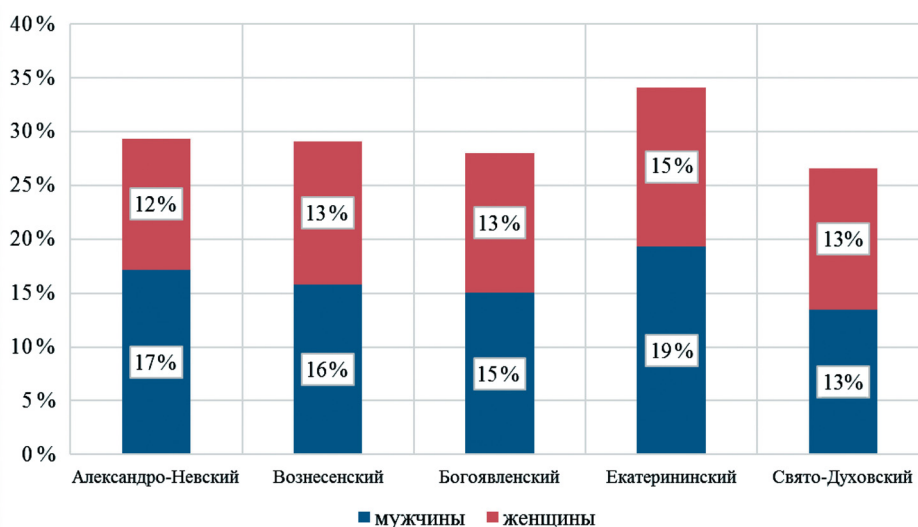

Рис. 6. Смертность православного населения Екатеринбурга от туберкулеза, 1880–1919 гг. [Регистр населения Урала]

Fig. 6. Deaths from tuberculosis among the Orthodox population of Ekaterinburg, 1880–1919 [Ural Population Project]

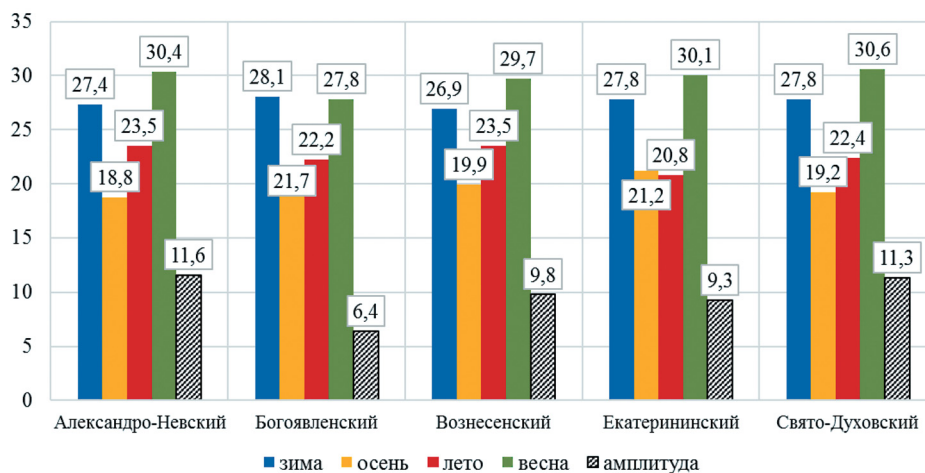

Рис. 7. Сезонность смертности православного населения Екатеринбурга, 1880–1919 гг. (%) [Регистр населения Урала]

Fig. 7. Seasonality of mortality among the Orthodox population of Ekaterinburg, 1880–1919 (%) [Ural Population Project]

Заключение

Екатеринбург рубежа XIX–XX вв. — образец раннеиндустриального города новой эпохи. Изначально сильно отличавшийся от позднефеодальных административных крошечных центров, составлявших львиную долю городов поздней имперской России, после Великих реформ он стал стремительно развиваться как в экономическом, так и в демографическом смысле. Согласно нашей гипотезе, этот рост должен был сопровождаться усложнением внутренней стратификации городского социума, увеличением роли внесемейных сообществ — церковных приходов. Их границы во многом совпадали с формировавшимися городскими микрорайонами Екатеринбурга, каждый из которых обладал собственной экономической специализацией, культурной идентичностью и демографической спецификой. Так появлялись районы «роста», в том числе населенные индустриальными рабочими, и деловые районы «элиты». Единственным массовым источником, который включал бы сведения подобного рода и при этом ассоциировался с четко очерченной локацией в городском пространстве, были метрические книги. Для анализа были избраны православные метрики об умерших как самые репрезентативные, так как православные составляли большинство горожан, а записи о смерти, в отличие от рождений и браков, дают более полное представление о населении.

В ходе исследования была выполнена реконструкция абсолютной динамики смертности по отдельным приходам за период с 1880 по 1917 г., восстановлена структура смертности по каждому приходу, вычислен средний возраст смерти горожан, а также проведен анализ ее причин и сезонности. В итоге можно заключить, что предположение о специфическом демографическом облике городских районов, соответствовавших церковным приходам, оказалось верным. В отношении смертности это проявлялось, прежде всего, в географии приходских границ, которые обуславливали направление городской застройки и, соответственно, приток мигрантов. Большое значение имело расположение предприятий, формировавших экономический профиль района. Наконец, серьезное влияние на приходскую смертность оказывали учреждения, сосредотачивавшие на своей территории большие массы людей, такие как больницы, тюрьмы, богадельни, ночлежки, казармы и пр. Вероятно, будущие исследования позволят выделить еще ряд важных для демографического режима факторов, в том числе профессиональный состав прихожан. Полученные результаты позволяют предположить определенную стабильность и респектабельность Богоявленского и отчасти Вознесенского приходов; «мигрантскую» специфику Александро-Невского и Свято-Духовского; и некий средний, наиболее близкий всему городу, характер района, соответствовавшего приходу Екатерининского собора.

Источники

Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1899 год / под ред. Р. Попова. Пермь : Типо-лит. Губ. правления, 1899.

План Екатеринбурга 1910 г. // 1723.ru. URL: <http://www.1723.ru/read/map/1910-2.htm> (дата обращения: 17.09.2019).

Регистр населения Урала // Население Урала (конец XIX – начало XX в.) / Ural Population Project (UraPP) : сайт. URL: <http://urappdata-urgi.urfu.ru/#/> (дата обращения: 25.07.2021).

Санитарный обзор Пермской губернии за 1895 год. Пермь : Тип. губ. зем. упр., 1896.

Санитарный обзор Пермской губернии за 1905 год. Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1907.

Санитарный обзор Пермской губернии за 1908 год. Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1911.

Санитарный обзор Пермской губернии за 1911 год. Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1915.

Смертность и продолжительность жизни населения Уральской области: (таблицы смертности по округам и полосам области): по материалам переписи населения 1926 года и естественного движения населения 1926 и 1927 г. Свердловск : Урал. обл. стат. отд., 1929.

Исследования

Бахарев Д. С. Православные приходы Екатеринбурга в начале XX века: численность и соотношение // Церковь. Богословие. История. 2020. № 1. С. 297–304.

Бахарев Д. С., Главацкая Е. М. Причины детской смертности в Екатеринбурге на рубеже XIX–XX вв.: опыт классификации // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 2 (198). С. 79–96. <https://doi.org/10.15826/izv2.2020.22.2.024>

Бахарев Д. С., Заболотных Е. А. Еще до войны: опыт реконструкции численности населения Екатеринбурга в 1913 году // Вестник Российского университета дружбы народов Серия: История России. 2020. Т. 19, № 4. С. 889–904. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-889-904>

Боровик Ю. В. Социальный облик городского православного прихода на рубеже XIX–XX вв. по данным метрических книг Богоявленского собора Екатеринбурга // Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии : материалы междунар. конф. Москва, 4–6 декабря 2020 г. / отв. ред. И. М. Гарскова. М. : МАКС Пресс, 2020. С. 154–160.

Главацкая Е. М., Бахарев Д. С., Бобицкий А. В. Этнорелигиозные меньшинства Екатеринбурга в конце XIX века // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2019. № 2 (45). С. 33–43. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2019-2-33-43>

Главацкая Е. М., Бобицкий А. В., Заболотных Е. А., Вишневецкая А. В. Брачность в Екатеринбурге в начале XX в.: квантитативный анализ // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 3 (190). С. 104–121. <https://doi.org/10.15826/izv2.2019.21.3.050>

Голикова С. В. Высокая смертность на дореволюционном Урале: структура, причины и следствия // Документ. Архив. История. Современность. 2005. № 5. С. 99–110.

Исупов В. А. Эпидемиологический переход в России: взгляд историка // Демографическое обозрение. 2017. Т. 3, № 4. С. 82–92.

Кискидосова Т. А. Брачность, рождаемость и смертность православного населения сибирского города во второй половине XIX в. (на примере метрических книг православных церквей Минусинска) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 120–126.

Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 9. С. 95–100.

Куркин П. И. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы. М. : Союзоргучет, 1938.

Маркова М. А. Смертность православного населения г. Выборга по данным метрических книг XIX–XX в. // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций : сб. науч. ст. Вып. III / под ред. В. Ф. Блохина. Брянск : Курсив, 2017. С. 173–175.

Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград : Тип. МВД, 1916. [2].

Рашии А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.) : стат. очерки / под ред. С. Г. Струмилина. М. : Госстатиздат, 1956.

Сафронов А. А. Население Екатеринбургa по материалам первой всеобщей переписи населения 1897 г. // Восьмые Татищевские чтения : материалы рег. науч. конф. (Екатеринбург, 27–28 мая 2010 г.). Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2010. С. 329–331.

Слепцов С. С., Слепцова С. С., Алексеева З. Н. Смертность местного населения Якутии в XIX – начале XX вв. (по данным метрических книг) // Якутский медицинский журнал. 2021. № 1. С. 57–60.

Троицкая И. А., Авдеев А. А. Первая российская номенклатура болезней и диагностика причин смерти в XIX в.: частный случай // Население и экономика. 2018. № 2 (4). С. 1–46. <https://doi.org/10.3897/porecon.2.e36059>

Чащин А. В. Демографическая характеристика Екатеринбургa (Свердловска) в 1897–1926 гг. // Россия и мир в конце XIX – начале XX века : материалы Третьей всерос. науч. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов (Пермь, Перм. гос. ун-т, 4–8 февраля 2010 г.). Пермь : Перм. гос. ун-т, 2010. С. 138–142.

Glavatskaya E., Borovik J., Thorvaldsen G. Urban infant mortality and religion at the end of the nineteenth and in the early twentieth century: the case of Ekaterinburg, Russia // *The History of the Family*. 2018. Vol. 23, No 1. P. 135–153. <https://doi.org/10.1080/1081602X.2017.1341845>

Jaadla H. Mortality in the Lutheran population of Tartu at the end of the 19th century. Tallinn : Tallin Univ., 2016.

Janssens A. Re-orienting historical mortality studies // *The Future of Historical Demography. Upside down and inside out* / K. Matthijs, S. Hin, J. Kok, H. Matsuo (Eds.). Leuven : Acco, 2016. P. 132–135.

References

Bakharev, D. (2020). Pravoslavnye prikhody Ekaterinburga v nachale XX veka: chislennost' i sootnoshenie [The Orthodox Parishes of Early 20th Century Ekaterinburg: Population and Structure]. *Church. Theology. History*, 1, 297–304.

Bakharev, D. S., & Glavatskaya, E. M. (2020). Prichiny detskoj smertnosti v Ekaterinburge na rubezhe XIX–XX vv.: opyt klassifikatsii [The Causes of Child Mortality in Ekaterinburg at the Turn of the 20th Century: Classification Experience]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 22, 2 (198), 79–96. <https://doi.org/10.15826/izv2.2020.22.2.024>

Bakharev, D., & Zabolotnykh, E. (2020). Eshche do voiny: opyt rekonstruktsii chislennosti naseleniia Ekaterinburga v 1913 godu [Before the First World War: Reconstruction of Ekaterinburg City (Urals, Russia) Population in 1913]. *RUDN Journal of Russian History*, 19(4), 889–904. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-889-904>

Borovik, Ju. V. (2020). Sotsial'nyi oblik gorodskogo pravoslavnogo prikhoda na rubezhe XIX–XX vv. po dannym metricheskikh knig Bogoiavlenskogo sobora Ekaterinburga [The Social Appearance of the Urban Orthodox Parish at the Turn of the 20th Century. According to the Metric Books of the Epiphany Cathedral of Ekaterinburg]. In I. M. Garskova (Ed.), *Istoricheskie issledovaniia v kontekste nauki o dannykh: informatsionnye resursy, analiticheskie metody i tsifrovye tekhnologii. materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Historical Research in the Context of Data Science: Information Resources, Analytical Methods and Digital Technologies: Proceedings of the Intern. Conf.] (pp. 154–160). Moscow: MAKSS Press.

Chashchin, A. V. (2010). Demograficheskaia kharakteristika Ekaterinburga (Sverdlovsk) v 1897–1926 gg. [Demographic Characteristics of Ekaterinburg (Sverdlovsk) in 1897–1926]. In *Rossia i mir v kontse XIX – nachale XX veka: materialy Tret'ei vseros. nauch. konf. molodykh uchenykh, aspirantov i studentov* [Russia and the World at the End of the 19th – Early 20th Centuries: Materials of the Third All-Russian Scholarly Conference of Young Scholars, Graduate Students and Undergraduates] (pp. 138–142). Perm: Perm State University.

Glavatskaya, E. M., Bakharev, D. S., & Bobitsky, A. V. (2019). Etnoreligioznye men'shinstva Ekaterinburga v kontse XIX veka [Ethno-Religious Minorities in Late 19th-Century Ekaterinburg]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, 2 (45), 33–43. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2019-2-33-43>

Glavatskaya, E. M., Bobitsky, A. V., Zabolotnykh, E. A., & Vishnevskaja, A. V. (2019). Brachnost' v Ekaterinburge nachala XX v.: kvantitativnyi analiz [Nuptiality in Early 20th-Century Ekaterinburg: Quantitative Analysis]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 21, 3(190), 104–121. <https://doi.org/10.15826/izv2.2019.21.3.050>

Glavatskaya, E., Borovik, J., & Thorvaldsen, G. (2018). Urban Infant Mortality and Religion at the End of the Nineteenth and in the Early Twentieth Century: The Case of Ekaterinburg, Russia. *The History of the Family*, 23(1), 135–153. <https://doi.org/10.1080/1081602X.2017.1341845>

Golikova, S. V. (2005). Vysokaia smertnost' na dorevoliutsionnom Urale: struktura, prichiny i sledstviia [High Mortality in the Pre-revolutionary Urals: Structure, Causes, and Consequences]. *Dokument. Arkhiv. Istorii. Sovremennost'*, 5, 99–110.

Isupov, V. A. (2017). Epidemiologicheskii perekhod v Rossii: vzgliad istorika [Epidemiological Transition in Russia: A Historian's View]. *Demograficheskoe obozrenie*, 3(4), 82–92.

Jaadla, H. (2016). *Mortality in the Lutheran Population of Tartu at the End of the 19th Century*. Tallinn: Tallinn University.

Janssens, A. (2016). Re-Orienting Historical Mortality Studies. In K. Matthijs, S. Hin, J. Kok, & H. Matsuo (Eds.), *The Future of Historical Demography. Upside down and inside out* (pp. 132–135). Leuven: Acco.

Kiskidosova, T. A. (2020). Brachnost', rozhdaemost' i smertnost' pravoslavnogo naseleniia sibirskogo goroda vo vtoroi polovine XIX v. (na primere metriceskikh knig pravoslavnykh tserkvei Minusinska) [Marriage, Fertility, and Mortality of the Orthodox Population of a Siberian City in the Second Half of the 19th Century (with Reference to Metric Books of Orthodox Churches in Minusinsk)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 450, 120–126.

Kurkin, P. I. (1938). *Rozhdaemost' i smertnost' v kapitalisticheskikh gosudarstvakh Evropy* [Fertility and Mortality in the Capitalist States of Europe]. Moscow: Soiuzorguchet.

Kuz'min, A. I., & Orudzhieva, A. G. (1998). Istoriko-demograficheskii portret Ekaterinburga [Historical and Demographic Portrait of Ekaterinburg]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 9, 95–100.

Markova, M. A. (2017). Smertnost' pravoslavnogo naseleniia g. Vyborga po dannym metriceskikh knig XIX–XX v. [The Mortality Rate of the Orthodox Population of Vyborg According to the Metric Books of the 19th–20th Centuries]. In V. F. Blokhina (Ed.), *Rossia v epokhu politicheskikh i kul'turnykh transformatsii* [Russia in the Era of Political and Cultural Transformations] (Iss. III, pp. 173–175). Bryansk: Kursiv.

Novosel'sky, S. A. (1916). *Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii* [Mortality and Life Expectancy in Russia]. Petrograd: Tip. MVD.

Rashin, A. G. (1956). *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.): statisticheskie ocherki* [Population of Russia over 100 Years (1811–1913): Statistical Essays]. Moscow: Gosstatizdat.

Safronov, A. A. (2010). Naselenie Ekaterinburga po materialam pervoi vseobshchei perepisi naseleniia 1897 g. [Population of Ekaterinburg Based on the Materials of the First General Population Census of 1897]. In *Vos'mye Tatishchevskie chteniia: materialy regional'noi nauchnoi konferentsii* (pp. 329–331). Ekaterinburg: UMTs UPI Press.

Sleptsov, S. S., Sleptsova, S. S., & Alekseeva, Z. N. (2021). Smertnost' mestnogo naseleniia Iakutii v XIX – nachale XX vv. (po dannym metriceskikh knig) [Mortality of the Local Population of Yakutia in the 19th – Early 20th Centuries (According to Metric Books)]. *Iakutskii meditsinskii zhurnal*, 1, 57–60.

Troitskaya, I., & Avdeev, A. (2018). Pervaia rossiiskaia nomenklatura boleznei i diagnostika prichin smerti v XIX v.: chastnyi sluchai [The First Russian Nomenclature of Diseases and Diagnostics of Causes of Death in the 19th Century: A Particular Case]. *Population and Economics*, 2 (4), 1–46. <https://doi.org/10.3897/popecon.2.e36059>

Главацкая Елена Михайловна

доктор исторических наук, профессор
кафедры археологии и этнологии
Уральский федеральный университет
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: elena.glavatskaya@urfu.ru

Бахарев Дмитрий Сергеевич

младший научный сотрудник лаборатории
«Международный центр демографических
исследований»
Уральский федеральный университет
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: dmitry.bakharev@urfu.ru

Торвальдсен Гуннар Тригвиевич

PhD, заслуженный профессор
Арктический университет Норвегии —
Университет Тромсё
Hansine Hansens veg 18, 9019 Tromsø, Norway
E-mail: gunnar.thorvaldsen@uit.no

Glavatskaya, Elena Mikhailovna

Dr. Hab. (History), Professor
Department of Archaeology and Ethnology
Ural Federal University
51, Lenin Ave.,
620083 Yekaterinburg, Russia
Email: elena.glavatskaya@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7013-5013>
Scopus AuthorID: 55587715900

Bakharev, Dmitry Sergeevich

Junior Research Fellow
International Demographic Unit
Ural Federal University
51, Lenin Ave.,
620083 Yekaterinburg, Russia
Email: dmitry.bakharev@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5654-0685>
Researcher ID: U-7766-2019

Thorvaldsen, Gunnar

PhD (History), Professor Emeritus
Arctic University of Norway —
University of Tromsø
18, Hansine Hansens veg, 9019 Tromsø,
Norway
Email: gunnar.thorvaldsen@uit.no
<https://orcid.org/0000-0002-9462-7589>
Scopus AuthorID: 57194766462